

CZU 821.161.1.09 -31”20”(092)Яхина Г.

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕМЫ МАТЕРИНСТВА
В РОМАНЕ ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»**

Вячеслав ДОЛГОВ, доктор филологии, конференциар,
филологический факультет,
Бельцкий государственный университет им. А. Руссо

Abstract: *The article presents an attempt to analyze the peculiar ways of treating the motherhood theme in Guzel Yakhina's novel "Zuleikha Opens Her Eyes". The comparison of the artistic functions*

and of the three mothers' images permitted to draw the conclusion about the multi-aspectual presentation of the announced theme in the novel.

Keywords: *the theme of motherhood, image, conflict, function, novel.*

Тема материнства является одной из ключевых в романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза». Ее развертывание позволяет автору поднимать целый ряд важных вопросов: о женской доле, семейственности и семейных ценностях, роде, любви, роли и месте ребенка в «мире» матери и др.

Помимо главной героини, особого внимания заслуживают еще два воплощения образа матери. Первый, возникающий эпизодически, – образ покойной матери Зулейхи. Здесь следует подчеркнуть, что в первой части романа героиня органично вписана в мир народной патриархальной культуры со специфичными для него воззрениями, ценностными установками и нормами, в числе которых можно выделить утверждение главенствующей роли мужчины и, соответственно, подчиненную роль женщины, обязательный физический труд (комплекс «женских дел» не обязательно рассчитан на «слабый» пол), уважительное отношение к старшим (в народной иерархии, это и муж, и его родители), беспрекословное исполнение их воли, уважение и исполнение желаний мужа, наказание за провинность, бережливость, порой граничащая со скарденностью и т.д. В круговерти дел, которые должна успеть героиня, изредка возникает образ ее матери в виде воспоминаний о ее наказах, переданных знаниях о мире и человеке. Зулейха всячески стремится показать, что эти «уроки» из детства не просто не забыты, но и хорошо усвоены. Приведем лишь два примера, иллюстрирующих такую функцию образа матери: «Дух хлева любит мучное, дух ворот – толченую яичную скорлупу. А вот дух околицы – сладкое. Так мама учила» [2, р. 25]; «Мыть полы была с детства приучена на коленях. Согнувшись в поясе или присев на корточки только лентяи работают», – учила мать. Зулейха не считает себя лентяйкой – и сейчас трет склизкие половицы, скользя по ним ящерицей: припав животом и грудями к самому полу...» [2, р. 39]. Автор таким образом подчеркивает ту важную роль, которую мать играет в формировании личности ребенка, передаче опыта и знаний, упрощающих его вхождение в социум и приобщение к культуре народа.

Второй вариант образа матери – свекровь, которую Зулейха про себя называет Упырихой и ведьмой. Ее функция в романе – сохранение рода и обеспечение его продолжения. Неслучайно ряд доминантных характеристик сближает данный персонаж с комплексом демонических существ и древнейших богинь славянской мифологии, особенно, с Бабой Ягой, которая, как свидетельствуют данные специальных исследований, выступает не только хозяйкой леса, повелительницей зверей и птиц, вещей старухой, но и проводником в мир мертвых, хранительницей царства Смерти, а также олицетворением матери-родоначальницы. Выделим:

– **возраст** («Никто не знал, сколько ей на самом деле лет. Она утверждала, что сто» [2, р. 11]);

– **портретные детали**: слепая, глухая, при обостренном обонянии (ср. реакцию сказочной Бабы Яги на появление чужого в избушке – «Фу-фу-фу, русским духом пахнет»); «скрипучий голос» [2, р. 33]; у нее «костлявая нога» [2, р. 29], поэтому ходит с клюкой; «длинные и плоские мешки грудей, висящие до пупа» [2, р. 34-35] (ср.: «На печи, на девятом кирпичи лежит баба-яга, костяная нога, нос в потолок врос, сопли через порог висят, титьки на крюку заматаны, сама зубы точит»);

– **сверхчеловеческие способности**: Упыриха видит вещие сны («Свекровь редко видела сны, но те, что приходили к ней, оказывались вещими: странные, иногда жуткие, полные намеков и недосказанностей видения, в которых грядущее отражалось расплывчато и искаженно, как в мутном зеркале. <...> Спустя пару недель или месяцев тайна обязательно раскрывалась – происходило что-то, чаще – плохое, реже – хорошее, но всегда – важное, с извращенной точностью повторявшее картину полузабытого к тому времени сна». «Старая ведьма никогда не ошибалась» [2, р. 30], – убеждена Зулейха);

– **связь с пространством леса**, который в славянской мифологии является местом обитания хозяина леса и других мифологических существ, а также локусом небытия, и потому сближается с «тем светом» [2: III, р. 97]. «Урман» в романе несет смерть: «Даже во времена Большого голода деревенские не смели преступать за границу Крайней поляны: обьели кору с деревьев,

перемололи желуди с дубов, разрыли мышинные норы в поисках зерна – в урман не ходили. А кто ходил – тех больше не видели» [2, р. 18]. А Упыриха по молодости, как говорили люди, ходила на несколько дней и вернулась живой. Заметим здесь, что одна из портретных характеристик старухи, основанная на природных образах, поддерживает «нечеловеческий» компонент образа: «Вот она, Упыриха, совсем близко: простирается от стены до стены, как широкое поле. Бугристые старческие кости торчат вверх, столетнее тело рассыпалось меж них причудливыми холмами, кожа висит застывшими оползнями. И по всей этой неровной, то изрезанной оврагами, то пышно вздыбленной долине текут, изливаются блестящие ручьи пота...» [2, р. 33].

Зулейха 15-летним подростком входит в дом мужа не хозяйкой, но и по прошествии 15 лет супружества по-прежнему ею назвать себя не может. Жизнь в доме Муртазы подчинена установленному не ею порядку, здесь «правит» Упыриха, ее воля превыше воли Зулейхи, ее влияние на сына колоссально и недоступно пониманию невестки: «Муртаза разделеня, умоется с дороги, – и пройдет на половину матери. Он это называет поговорить вечерком. О чем можно разговаривать с глухой старухой? Зулейха не понимает. Но разговоры эти были долгими, иногда длились часами. Муртаза выходил от матери спокойный, умиротворенный, мог даже улыбнуться или пошутить» [2, р. 24].

Свекровь относится к натурам гордым, волевым, обнаруживающим сильные, порой патологические, страсти. Священная роль продолжения рода, по ее мнению, не только возвышает мать, но, похоже, может оправдать многое, даже возможное убийство собственных детей («Даже подумать не смей, слышишь? Тысячу раз тебе повторяла – и скажу в тысячу первый: я их не убивала. Сами умерли. От голода. <...> Молока им не давала – это правда. Все, что было во мне, до последней капли, тебе оставляла. Они сначала пытались драться – силой хотели у тебя грудь отнять. Они были сильнее тебя. А я была сильнее их. И тебя в обиду не дала. Потом у них силы закончились, и ты стал сильнее. А они умерли. Все» [2, р. 56]). Муртазу она выбрала сама («Десятерых родила для мужа, а последнего – для себя» [2, р. 55]), и сама определила его высокое назначение.

Природа ее материнской любви не лишена известной доли эгоизма, и в ее основе – сила, но особого порядка, основанная на злости («Ты – самый сильный, Муртаза. Никому тебя не победить, не сломить» [2, р. 57]). «Ты – в меня, сынок, сердце мое. У тебя в жилах – моя кровь. Под мясом – мои кости». «И сила в тебе – моя: злая, непобедимая» [2, р. 55]). Учитывая амбивалентный характер данного образа, подчеркнем здесь, что замученная тяжелой физической работой, издевательствами свекрови (упырь, согласно славянской мифологии питается кровью человека, а Упыриха «сосет кровь» Зулейхи), помыканиями и унижениями мужа Зулейха склонна все же считать свою участь и брак счастливыми, в то время как именно Упыриха требует не забывать о своем человеческом и, что немаловажно, женском достоинстве: «Всегда молчишь, немота... Если бы кто со мной так – я бы убила. <...> А ты не сможешь. Ни ударить, ни убить, ни полюбить. Злость твоя спит глубоко и не проснется уже, а без злости – какая жизнь? Нет, не жить тебе никогда по-настоящему. Одно слово: курица... <...> И жизнь твоя – куриная» [2, р. 36]. К невестке у свекрови масса претензий: и ростом не вышла, и лентяйка, и не читит, не любит мужа, и «притворщица, холодная и бездушная», и пр. Однако главная проблема, по мнению свекрови, пожалуй, в том, что невестка не в состоянии обеспечить продолжение рода: «Ни ростом, ни лицом не вышла. Может, конечно, между ног у тебя в молодости медом намазано было, да ведь и это место не больно здоровым оказалось, а? Одних девок на свет принесла – и то ни одна не выжила». «Кончается твой род, худокостая, выродждается. Оно и правильно: гнилому корню – гнить, а здоровому – жить» [2, р. 30]. «Мы с Муртазой всех вас переживем, мы – крепкого корня и от хорошего дерева растем» [2, р. 29].

Линия третьего, главного в художественной структуре романа, образа начинается с темы поправного материнства в условиях кажущегося благополучия (хороший, как она считает, муж, дом, хозяйство, достаток). Затем, уже в пространстве лагерного поселения, Зулейха так же обнаружит жертвенную любовь к сыну, которая, подчеркнем, имеет не деструктивный, а созидательный характер.

Ее не беспокоит проблема продолжения рода, сын просто и естественно становится смыслом ее жизни, дает ей силы пройти через все испытания в нечеловеческих условиях.

Ради сына она готова на все, поэтому в определенный, особо голодный, период кормит его собственной кровью.

Но, как ни странно, именно в этих ужасных условиях Зулейха обретает внутреннюю свободу, сбросив груз прежних ограничений: ходит в «урман», открывает для себя любовь и «ночи с Игнатовым», учится жить в мире, «куда не проникает взор Аллаха» и пр. И а всем пути этого духовного становления маленькая хрупкая женщина обнаруживает необычайную внутреннюю силу, которую питает материнская любовь, бескорыстная и всепоглощающая.

В финале романа представлена знаковая, на наш взгляд, сцена единения двух ранее противопоставляемых героинь. Упыриха неоднократно являлась в видениях Зелейхе в переломные моменты, требуя соблюдения установленных норм и уважения патриархальных ценностей, а также подчинения всех устремлений задаче сохранения рода. Но когда Зулейха должна отпустить сына Юзуфа (что для нее смерти подобно), первой является Упыриха, которую она впервые называет мамой: *«Зулейха хочет оттолкнуть Упыриху, замахивается – но вместо этого почему - то падает ей на грудь, обнимает могучее тело, пахнущее не то древесной корой, не то свежей землей. Утыкается лицом во что-то теплое, плотное, мускулистое, живое, чувствует сильные руки – на спине, на затылке, вокруг себя, везде. Слезы льются так щедро и стремительно, что кажется – не из глаз, а откуда-то со dna сердца, подгоняемые его частым и упругим биением. <...> – Скажи, мама...»* [2, р. 492]. Образы столь разных и непохожих матерей объединяет общее горе и утраты сына. Выясняется также, что и внешне благополучная Упыриха в прошлом нарушала нормы и правила, к примеру, в «урман» она ходила, спасаясь от несчастной любви.

Таким образом, автор за счет введения столь индивидуализированных образов стремится к многоаспектному представлению темы материнства как фундаментальной ценности культуры любого народа, занимающей важное место в ряду других базовых, таких, как семья, вера, любовь, жизнь и смерть, Бог, свобода и т.д.

Библиография:

1. СЛАВЯНСКИЕ древности. *Этнолингвистический словарь*: В 5 тт. (Под ред. Н.И. Толстого). Т. 1-5. М., 1995-2012.
2. ЯХИНА, Г. Ш. *Зулейха открывает глаза*, М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016.